

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 13-027

СЕКРЕТНЫЕ АРХИВЫ НКВД—КГБ

Борис Сопельняк

Гриф секретности снят

Борис Сопельняк

Секретные архивы НКВД-КГБ

«ВЕЧЕ»

2013

УДК 94(47)
ББК 63.3

Сопельняк Б. Н.

Секретные архивы НКВД-КГБ / Б. Н. Сопельняк — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Гриф секретности снят)

ISBN 978-5-4484-8455-1

В 1934 году ОГПУ было преобразовано в НКВД. Только за 1937–1938 годы было арестовано полтора миллиона человек, из них около 800 тысяч расстреляно. В 1954-м мрачное здание на Лубянке снова поменяло вывеску и стало называться Комитетом государственной безопасности – КГБ. Самое странное, что под чекистский меч попадали не только так называемые диссиденты, но и писатели, музыканты, художники и другие деятели искусства, которые, при всем желании, не могли свергнуть советскую власть. Именно поэтому авторитет КГБ в народе был крайне низок, и именно поэтому все облегченно вздохнули, когда в декабре 1991 года Комитет государственной безопасности был упразднен и как таковой перестал существовать.

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-4484-8455-1

© Сопельняк Б. Н., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

От автора	5
Расстрелянный театр	6
Прозрение	12
«Мейерхольд самобытен... я даже думаю, что он гениален»	19
Две пули для двух сердец	23
Тюремные очерки Кольцова	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Секретные архивы НКВД – КГБ

Борис Сопельняк

От автора

В предыдущем томе «Секретных архивов» мы рассматривали скрытую от народа деятельность самого страшного и самого кровавого монстра всех времен и народов под названием ВЧК – ОГПУ. За семнадцать лет своего существования это злое чудовище пролило столько крови, уничтожило столько достойнейших людей России, что эти потери мы ощущаем до сих пор.

В 1934-м ОГПУ было преобразовано в НКВД во главе с Генрихом Григорьевичем Ягодой (на самом деле Енохом Гершеновичем Иегудой). За два года руководства НКВД Ягода наломал немало дров, но по сравнению с тем, что натворил сменивший его Николай Ежов, это были, если так можно выразиться, цветочки. Время «ежовщины» – это время невиданного размаха репрессий. Судите сами: только за 1937–1938 годы было арестовано полтора миллиона человек, из них около 800 тысяч расстреляно.

Сменивший его на посту руководителя НКВД Лаврентий Берия был достойным продолжателем дела своих предшественников: аресты и расстрелы продолжались в тех же чудовищных масштабах. Одно дело, когда судили Бухарина, Сокольникова или Тухачевского – хотя бы теоретически они могли представлять угрозу для обитателей Кремля, и совсем другое, когда в застенках Лубянки оказывались такие люди, как Всеволод Мейерхольд, Михаил Кольцов, Лидия Русланова, Зоя Федорова и даже несовершеннолетние мальчишки и девчонки.

В 1954-м мрачное здание на Лубянке снова поменяло вывеску и стало называться Комитетом государственной безопасности – КГБ. Задачи, которые поставила партия перед КГБ, на первый взгляд, были возвышенны и благородны: «В кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берии и добиться превращения органов государственной безопасности в острое оружие партии, направленное против действительных врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей».

Как ни грустно об этом говорить, но КГБ прославился не только блестяще проведенными операциями против шпионов и террористов, но и жестоким преследованием всех, кто устно или письменно выражали сомнения в гениальности линии партии или богоизбранности обитателей Кремля.

Самое странное, под чекистский меч (а я напомним, что символом этой организации являются щит и меч) попадали не только так называемые диссиденты, но и писатели, музыканты, художники и другие деятели искусства, которые, при всем желании, не могли свергнуть советскую власть. Именно поэтому авторитет КГБ в народе был крайне низок, и именно поэтому все облегченно вздохнули, когда в декабре 1991 года Комитет государственной безопасности был упразднен и как таковой перестал существовать.

Расстрелянный театр

Не только история русского театра двадцатого века, но и история мирового театра немыслима без Мейерхольда. То новое, что этот великий мастер внес в театральное искусство, живет в прогрессивном театре мира, и будет жить всегда.

Назым Хикмет

Как жаль, что эти слова великого поэта о великом мастере театрального искусства были сказаны в 1955-м, а не пятнадцатью годами раньше! Как жаль, что вклад Мейерхольда в прогрессивный театр мира признан лишь теперь, а не в довоенные годы, когда Всеволод Эмильевич жил и творил!

Прозвучи эти слова тогда, подпишись под ними все те, кто его хорошо знал и работал с ним бок о бок, прояви они гражданское мужество тогда, а не пятнадцатью годами позже, возможно, и не было бы дела № 537, утвержденного лично Берией и закончившегося приговором, подписанным Ульрихом: «Мейерхольд-Райха Всеволода Эмильевича подвернуть высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества».

Чем объясняется невероятная спешка, связанная с арестом Мейерхольда, что за ветры подули в коридорах Лубянки, сказать трудно, но столичные энкавэдешники даже не стали ждать возвращения Всеволода Эмильевича в Москву, а приказали арестовать его ленинградским коллегам. 20 июня 1939 года его взяли прямо в квартире на набережной Карповки. О том, как это случилось, рассказывает его давний знакомый Ипполит Александрович Романович.

– Я был последним, кто видел Мейерхольда на свободе, – вспоминает он. – Я расстался с ним в четыре часа утра. Последнюю в своей нормальной жизни ночь он провел в квартире у Юрия Михайловича Юрьева. Их дружба-любовь началась еще со времен работы над «Дон Жуаном» в Александрийском театре.

Накануне вечером Всеволод Эмильевич пришел к Юрьеву поужинать. Он был мрачен и почему-то все время расспрашивал о лагере, вдавался в детали жизни заключенных. На рассвете Всеволод Эмильевич и я вышли из квартиры Юрьева. В руках Мейерхольд держал бутылку белого вина и два бокала – для себя и для меня. Мы устроились с бутылкой на ступеньках лестницы и продолжали тихо говорить о том о сем, в том числе снова о лагере и о тюрьме. Меня внезапно охватило странное чувство: мне захотелось поцеловать руку Мастера. Но я устыдился своего порыва и, смущенно откланявшись, пошел наверх, – закончил Ипполит Александрович.

А через несколько часов будущего врага народа посадили в спецвагон и, проведя осмотр на «загрязнения и вшивость», под усиленным конвоем отправили в Москву.

На следующий день начальник тюрьмы, врач и конвоир подписали акт, что «произведена санобработка и дезинфекция вещей арестованного, согласно его осмотра и личного опроса загрязнения и вшивости у него не имеется», посадили будущего врага народа в вагон и под усиленным конвоем отправили в Москву.

Юридическим обоснованием этой акции было постановление на арест, подписанное Лаврентием Берией и его правой рукой в такого рода делах начальником следственной части Богданом Ко-буловым. (В 1953-м оба будут арестованы, приговорены к высшей мере наказания и в один день и час расстреляны. – Б.С.).

Вчитайтесь в эти строки, и вы поймете не только то, как сочинялись такие документы, но и кто этим занимался, – ведь Берия и его ближайшее окружение лишь подписывали эти бумаги, тем самым благословляя на кровавый беспредел палачей рангом пониже.

«Я, капитан государственной безопасности Голованов, нашел: имеющимся агентурным и следственным материалом Мейерхольд В.Э. изобличается как троцкист и подозрителен по шпионажу в пользу японской разведки.

Установлено, что в течение ряда лет Мейерхольд состоял в близких связях с руководителями контрреволюционных организаций – Бухариным и Рыковым.

Арестованный японский шпион Йошида Йошимасу еще в Токио получил директиву связаться в Москве с Мейерхольдом. Установлена также связь Мейерхольда с британским подданным по фамилии Грей, высланным в 1935 году из Советского Союза за шпионаж.

Исходя из вышеизложенного, постановил: Мейерхольда-Райх Всеволода Эмильевича арестовать и провести в его квартире обыск».

Приезда Мейерхольда в Москву ждать не стали и к обыску в Брюсовском переулке, где он жил вместе со своей женой Зинаидой Райх, приступили немедленно. Зинаида Николаевна была женщиной темпераментной, права свои знала, поэтому стала горой на пороге своей комнаты: «В бумагах и вещах мужа рыться можете, а в моих – нет! К тому же в ордере на обыск мое имя отсутствует».

Произошел скандал, закончившийся чуть ли не рукоприкладством. Во всяком случае, младшему лейтенанту Власову пришлось отчитываться перед начальством и писать рапорт, в котором он, само собой разумеется, всю вину перекладывает на хрупкие плечи женщины. При этом лейтенант, как советский офицер и истинный поклонник прекрасного, не может не бросить тень на известную всей стране актрису. «Во время обыска жена арестованного очень нервничала, – пишет лейтенант, – при этом заявляя, что мы не можем делать обыска в ее вещах и документах. Сказала, что напишет на нас жалобу. Сын стал успокаивать ее: “Мама, ты так не пиши и не расстраивайся, а то опять попадешь в психиатрическую больницу”».

А Всеволода Эмильевича бросили в печально известную Внутреннюю тюрьму, которую в народе называли «нутрянкой». Там все начиналось с заполнения анкеты арестованного. Вот она, эта кричащая от жуткой боли анкета. Я держу ее в руках, и, видит Бог, не могу унять дрожь в пальцах – ведь этот леденящий кровь документ был пропуском в самый настоящий ад, тот ад, где били и пытали, где драли и полосовали, где калечили и терзали, а потом и убивали.

Из этой анкеты мы узнаем, что Всеволод Эмильевич родился в 1874 году в Пензе, по национальности – немец, образование – среднее. Отец, который был купцом, умер, мать – тоже. Жена – Зинаида Райх, актриса. Дети – Есенина Татьяна, 21 год, и Константин, 19 лет. И Татьяна, и Константин – дети Зинаиды Райх от ее брака с Сергеем Есениным. Всеволод Эмильевич – член ВКП (б) с 1918 года. Место работы – Государственный оперный театр имени Станиславского, должность – главный режиссер.

Через несколько дней начались допросы. Они шли днем и ночью, причем, как позже выяснится, очень жесткие, а порой и жестокие. Уже через неделю следователи добились весьма ощутимых результатов: Мейерхольда вынудили написать собственноручное заявление самому Берии. Вот что написал и подписал Мейерхольд 27 июня 1939 года:

«Признаю себя виновным в том, что, во-первых: в годах 1923–1925 состоял в антисоветской троцкистской организации, куда был завербован неким Рафаилом. Сверхвредительство в этой организации с совершенной очевидностью было в руках Троцкого. Результатом этой преступной связи была моя вредительская работа на театре (одна из постановок была посвящена Красной Армии и “первому красноармейцу Троцкому” – “Земля дыбом”).

Во-вторых. В годы приблизительно 1932–1935 состоял в антисоветской правотроцкистской организации, куда был завербован Милютиной. В этой организации состояли Милютин, Радек, Бухарин, Рыков и его жена.

В-третьих. Был привлечен в шпионскую работу неким Фредом Греем (английским подданным), с которым я знаком с 1913 года. Он уговаривал меня через свою жену, которая была моей ученицей, бросить СССР и переехать либо в Лондон, либо в Париж.

Результатом этой связи были следующие преступные деяния в отношении моей Родины:

а) Я дал Грею рекомендательную записку на знакомство с зам. председателя наркомфина Манцевым, прося последнего принять Грея.

б) Я организовал Грею по его просьбе свидание с Рыковым в моей квартире.

в) Я дал Грею рекомендацию на его ходатайство о продлении визы на долгое проживание в СССР.

Подробные показания о своей антисоветской, шпионской и вредительской работе я дам на следующих допросах».

В принципе следствие можно было заканчивать и дело закрывать, так как Всеволод Эмильевич признался практически во всем, что ему вменялось в вину. Правда, он забыл, что является еще и японским шпионом, но ему об этом очень скоро напомнят.

И все же следствие решило выяснить детали, касающиеся вредительской деятельности Мейерхольда в области искусства.

– На предыдущем допросе вы заявили, что в течение ряда лет были двурушником и проводили антисоветскую работу. Подтверждаете это?

– Да, поданное мною на прошлом допросе заявление подтверждаю, – заверил Мейерхольд. – В антисоветскую группу я был вовлечен неким Рафаилом, который руководил Московским отделением народного образования и одновременно Театром Революции, директором которого являлась Ольга Давыдовна Каменева (Розенфельд) – жена врага народа Каменева и сестра иудушки Троцкого. Я же был заведующим художественной частью и режиссером этого театра. В то время я познакомился со статьями Троцкого в его книге о культурном фронте и не только впитал распространяемые в ней идеи, но и отображал на протяжении всей своей дальнейшей работы.

– Почему эта вражеская книга оказала на вас такое влияние?

– Потому что Троцкий восхвалял в ней и меня. Он называл меня «неистовым Всеволодом», чем сравнивал с неистовым Виссарионом Белинским. Что касается Рафаила, то он хорошо знал о моих антисоветских настроениях и щедро отпускал средства на мои постановки в Театре Революции.

– Стало быть, троцкисты поддерживали вас материально за то, что вы проводили по их установкам вражескую работу?

– Да, это было именно так. Моя антисоветская вредительская работа заключалась в нарушении государственной установки строить искусство, отражающее правду и не допускающее никакого искажения. Я эту установку настойчиво и последовательно нарушал, строя, наоборот, искусство, извращающее действительность.

– Только по линии руководимого вами театра?

– Нет. Наряду с этим я старался подорвать основы академических театров. Особенно сильный удар я направлял в сторону Большого театра и МХАТа, и это несмотря на то, что они были взяты под защиту самим Лениным. После 1930 года моя антисоветская работа еще более активизировалась, так как я возглавил организацию под названием «Левый фронт», охватывающую театр, кино, музыку, литературу и живопись. Мое антисоветское влияние распространялось не только на таких моих учеников, как Сергей Эйзенштейн, Василий Федоров, Эраст Гарин, Николай Охлопков, Александр Нестеров, Наум Лойтер, но и на ряд представителей других искусств.

– Кто эти лица? Назовите их! – настойчиво потребовал следователь.

И Мейерхольд назвал. Понимал ли он, что делает? Отдавал ли себе отчет в том, что по каждому названному имени тут же начнется оперативная разработка, что каждый из его друзей может оказаться в соседней камере? Мы еще получим ответы на эти вопросы, а пока что он – воспользуемся тюремным жаргоном – безудержно кололся.

– Начну с кино. Здесь мое влияние распространялось на Сергея Эйзенштейна, который является человеком, озлобленно настроенным против советской власти. Нужно сказать, что он проводил и практическую подрывную работу. Хорошо известно, что советское правительство командировало его в Америку в надежде получить оборудование для творческой киностудии. Так вот, вместо того, чтобы работать в контакте с «Амторгом», он продался капиталисту Синклеру, в руках которого остался заснятый Эйзенштейном фильм. Вражеская работа Эйзенштейна выражалась еще и в том, что он пытался выпустить на экран антисоветский фильм «Бежин луг», но, к счастью, это ему не удалось, так как по указанию правительства съемка была прервана.

А мой выученик Эраст Гарин, израсходовав большие средства, сработал фильм «Женитьба» по Гоголю. Но эта картина, как искажающая классическое произведение, не была допущена до экрана.

Мой же выученик, режиссер Киевской киностудии Ромм, поставил фильм по сценарию Юрия Олеши «Строгий юноша», в котором было оклеветано советское юношество, и молодежь показана не как советская, но, по настроениям самого Олеши, с фашистским душком. По линии кино – это все, – перевел дух Мейерхольд.

– А на другие виды искусства ваше влияние не распространялось? – не унимался следователь.

– Конечно, распространялось! В живописи, например, под моим влиянием находился Давид Штернберг. Еще более антисоветски настроен мой бывший ученик художник Дмитриев. Что касается литературного фронта, то антисоветские разговоры, направленные против партии и правительства, я неоднократно вел с Борисом Пастернаком. Он вообще настолько озлоблен, что в последнее время ничего не пишет, а занимается только переводами. Аналогичные позиции занимает поэт Пяст. Вплоть до его ареста прямые антисоветские разговоры были и с писателем Николаем Эрдманом.

Много, очень много рассказал Всеволод Эмильевич, и народу сдал немало, но его следователь, лейтенант Воронин, этими всеобъемлющими показаниями был не удовлетворен. Почти целую неделю Мейерхольда не вызывали на допросы, но в покое его не оставили: с подследственным работали заплечных дел мастера. Результаты не замедлили сказаться.

– Намерены ли вы говорить правду до конца? – требовательно спросил лейтенант на следующем допросе.

– Да, конечно, – торопливо ответил Мейерхольд. – Я ничего не намерен скрывать, и расскажу не только о своей вражеской работе, но и выдам всех своих сообщников.

Именно этого и добивался следователь: ему нужно было сломать не только физически, но и морально не очень здорового 65-летнего деятеля искусств. Путаясь и сбиваясь, возвращаясь от одних событий к другим, Всеволод Эмильевич причисляет к антисоветски настроенным людям композиторов – Шостаковича, Шебалина, Попова и Книппера, прозаиков и поэтов – Сейфулину, Кирсанова, Брика, Иванова, Федина, а также многих актеров, художников и режиссеров.

Но самым злым гением был, конечно же, Илья Эренбург. Когда Всеволод Эмильевич заявил, что в троцкистскую организацию его вовлек именно Эренбург, следователь картинно усомнился:

– Не врете ли вы? Не оговариваете ли Илью Эренбурга?

– Нет, я говорю правду, – настаивал на своем Мейерхольд. – Илья Эренбург, как он сам мне говорил, является участником троцкистской организации, причем с весьма обширными связями не только в Советском Союзе, но и за рубежом. В 1938 году он и французский писатель Андре Мальро были у меня на квартире и вели оживленную беседу на политические темы: они были уверены, что троцкистам удастся захватить власть в свои руки.

– А вы, лично вы, разделяли эти предательские вожделения? – уточняюще спросил следователь.

– Да, разделял. Именно поэтому Эренбург прямо поставил вопрос о моем участии в троцкистской организации, на что я дал свое согласие. Тогда же была сформулирована главная задача нашей организации: не отчаиваться в связи с арестами и пополнять свои ряды, чтобы добиться осуществления окончательной цели, то есть свержения советской власти.

– В этом направлении вы и действовали?

– Именно так. Больше того, я вовлек в нашу организацию и Пастернака, и Олешу, а несколько позже и Лидию Сейфулину. Ей я поручил антисоветскую обработку писательской молодежи, а Юрия Олешу мы хотели использовать для подбора кадров террористов, которые бы занимались физическим уничтожением руководителей партии и правительства. Насколько мне известно, именно с этой целью он вовлек в наши ряды ленинградского писателя Стенича и режиссера Большого драмтеатра Дикого. Насколько мне известно, впоследствии оба были разоблачены и арестованы органами НКВД.

– А в чем заключалась ваша антисоветская связь с Шостаковичем и Шебалиным?

– Шостакович не раз выражал свои озлобленные настроения против советского правительства. Он мотивировал это тем, что, мол, в европейских странах его произведения очень ценят, а здесь за них только прорабатывают. В связи с этим он выражал намерение выехать за границу и больше в Советский Союз не возвращаться. Что касается Шебалина, то он тоже был в большой обиде на партию и правительство в связи с отрицательной оценкой его формалистических произведений.

Потом пошел какой-то странный разговор о связях Мейерхольда с литовским послом Балтрушайтисом, которого он знал как писателя чуть ли не с прошлого века, о немце Хельде и литовце Михневичусе, которые стажировались в Театре Революции, о том, что к работе на английскую разведку его привлек не только Грей, но и Балтрушайтис, а потом он у себя дома познакомил двух матерых шпионов: «А то как-то неудобно, два английских шпиона – и не знакомы друг с другом».

Но самое удивительное признание Всеволод Эмильевич сделал на допросе, который состоялся 19 июля 1939 года.

– Я скрыл от следствия одно важное обстоятельство, – многообещающе начал он.

– Какое обстоятельство? – живо среагировал лейтенант Воронин.

– Я являюсь еще и агентом японской разведки. А завербовал меня Секи Сано, который работал в моем театре в качестве режиссера-стажера с 1933 по 1937 год.

Что касается японского следа, то это чудовищный самооговор. Доказательства – в том же деле № 537. Известно, что в те, как, впрочем, и в совсем недавние времена, ни один иностранец не оставался без внимания спецслужб. Под весьма серьезным колпаком находился и Секи Сано. За ним не только наблюдали, но составляли отчеты о его поведении в Стране Советов. На основании этих отчетов была составлена справка, что никаких данных о принадлежности Секи Сано к разведорганам не установлено, поэтому в 1937 году ему позволили выехать в Париж.

Гораздо сложнее обстояло дело с другим японцем – членом японской компартии и режиссером нескольких театров левацкого направления Иошидой Иошимасу. Своим идейным учителем он считал Мейерхольда, мечтал с ним познакомиться и не придумал ничего лучшего, как пересечь советско-японскую границу нелегально. Иошимасу думал, что его, как коммуниста, встретят с распростертыми объятиями, но его задержали как самого обычного нарушителя границы и, стало быть, шпиона.

Допрашивали его, судя по всему, с пристрастием, потому что Иошимасу оговорил всех, кого знал и кого не знал. О Мейерхольде он, в частности, сказал, что Всеволод Эмильевич давно работает на японскую разведку, что в Токио он известен под псевдонимом «Борисов»

и что совместно с Секи Сано «Борисов» ведет подготовку к теракту против Сталина, которого они намерены убить во время посещения театра.

И хотя на следующих допросах от этих показаний он отказался и заявил, что все это придумал со страху, его уже никто не слушал. Иошимасу вскоре расстреляли, а его показания подшили к делу Мейерхольда, которого без особого труда убедили, что он японский шпион.

Прозрение

На некоторое время Всеволода Эмильевича оставили в покое. Это не значит, что следствие было приостановлено, напротив, оно шло полным ходом, но, если так можно выразиться, на других витках. Следователи понимали, что, хотя, по советским законам, признание является матерью доказательства, суду этого будет мало, поэтому они добывали компромат и на стороне. Мы можем только догадываться, каким путем, но добыли же!

Скажем, проходивший по другому делу известнейший журналист Михаил Кольцов чуть ли не на первом допросе заявил, что одним из осведомителей французского разведчика Вожеля был Мейерхольд. Причислил его к членам антисоветской организации и не менее известный писатель Исаак Бабель.

А вот что сообщил бывший профсоюзный деятель Яков Боярский:

«Все известно, что Мейерхольд – формалист. Но если бы только формалист! Мало кто помнит о таком вопиющем факте, что именно он готовил режиссерский план массового действия к 300-летию дома Романовых. Позже он солидаризировался с Троцким и вместе с ним защищал от критиков Есенина.

Пагубно влияет на Мейерхольда его жена актриса Зинаида Райх. Дошло до того, что однажды нарком просвещения Бубнов был вынужден пригласить ее к себе и сделать внушение, объяснив, как сильно она своим поведением вредит Мейерхольду».

Как видите, имя Зинаиды Райх в деле Мейерхольда упоминается не впервые – и все время со знаком «минус». Думаю, что настала пора рассказать об этой неординарной женщине и об этом странном, по мнению многих друзей дома, браке.

Родилась она двадцатью годами позже Всеволода Эмильевича в солнечной Одессе. Ее отцом был выходец из Силезии Николаус Райх. Будучи матросом, на одном из иностранных судов он попал в Одессу, встретил неотразимо прекрасную одесситку, тут же женился и навсегда остался на новой родине. От этого брака родилась ненаглядная Зинаида. После окончания гимназии, не найдя себе достойного применения в Одессе, Зинаида укатила в Петербург. Там она выучилась на машинистку, окончила женские курсы и в 1917-м поступила на работу в редакцию газеты «Дело народа».

И надо же так случиться, что часто захаживавший в редакцию Сергей Есенин смертельно влюбился в волоокую южанку. В конце лета, после совместной поездки к морю, они обвенчались. Как показало время, молодые явно поторопились: слишком разными они были людьми и слишком разные у них были представления о браке и семье. Все шло к разводу, не спасло даже рождение двух детей – Татьяны и Константина. В 1920-м Зинаида Райх, одна-одинешенька, с двумя детьми на руках, оказалась в Москве.

Есть несколько версий того, как она познакомилась с Мейерхольдом, но одна из них, как мне кажется, наиболее правдоподобной. Всеволод Эмильевич был давным-давно женат, у него трое взрослых дочерей, и вот однажды Екатерина Михайловна Мунт, актриса, прошедшая школу Александринского театра и ставшая женой Мейерхольда еще тогда, когда они были студентами Филармонического училища, привела в дом Зинаиду Райх – в качестве то ли экономки, то ли компаньонки. Тогда же Зинаида стала студенткой Высших театральных мастерских, которыми руководил Мейерхольд.

В доме Зинаида стала просто незаменимой. Екатерина Михайловна переложила на нее большую часть забот, в том числе и главную – уход за мужем. Закончилось все это печально: летом 1922-го Всеволод Эмильевич развелся с матерью своих детей, стал мужем Зинаиды Райх и отчимом детей Есенина. И Татьяна, и Константин искренне полюбили Всеволода Эмильевича, а вот их мать... Скандалы и ссоры в доме не стихали ни на минуту. К тому же Зинаида

Райх без зазрения совести влезала в театральные дела мужа, всячески обостряя конфликты с актерами.

Люди начали уходить из театра. Покинула мастера даже одна из его лучших учениц – Мария Бабанова. И тогда Мейерхольд начал соразмерять свои творческие замыслы с артистическими возможностями Зинаиды Райх, которые, как показало время, были совсем невелики.

Это было началом конца. После прогремевшей в 1934 году постановки «Дамы с камелиями» у Мейерхольда настал период провалов и неудач, завершившийся закрытием театра. Постановление о ликвидации театра имени Мейерхольда было опубликовано в январе 1938 года. Этот документ настолько красноречив и характерен для того времени, что, мне кажется, стоит привести его полностью.

«Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР издал приказ о ликвидации театра им. Мейерхольда.

Комитет по делам искусств признал, что театр им. Мейерхольда окончательно скатился на чуждые советскому искусству позиции и стал чуждым для советского зрителя. Это выразилось в том, что:

1. Театр им. Мейерхольда в течение всего своего существования не мог освободиться от чуждых советскому искусству, насквозь буржуазных, формалистических позиций. В результате этого, в угоду левацкому трюкачеству и формалистическим вывертам, даже классические произведения русской драматургии давались в театре в искаженном, антихудожественном виде, с искажениями их идейной сущности («Ревизор», «Горе уму», «Смерть Тарелкина» и др.).

2. Театр им. Мейерхольда оказался полным банкротом в постановке пьес советской драматургии. Постановка этих пьес давала извращенное, клеветническое представление о советской действительности, пропитанное двусмысленностью и даже прямым антисоветским злопыхательством («Самоубийца», «Окно в деревню», «Командарм-2» и др.).

3. За последние годы советские пьесы совершенно исчезли из репертуара театра. Ряд лучших актеров ушел из театра, а советские драматурги отвернулись от театра, изолировавшего себя от всей общественной и художественной жизни Союза.

4. К 20-летию Октябрьской революции театр им. Мейерхольда не только не подготовил ни одной постановки, но сделал политически враждебную попытку поставить пьесу Габриловича «Одна жизнь», антисоветски извращающую известное художественное произведение Н. Островского «Как закалялась сталь». Помимо всего прочего, эта постановка была злоупотреблением государственными средствами со стороны театра им. Мейерхольда, привыкшего жить на государственные денежные субсидии.

Ввиду всего этого, Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР постановил:

- а) ликвидировать театр им. Мейерхольда как чуждый советскому искусству;
- б) труппу театра использовать в других театрах;
- в) вопрос о дальнейшей работе Вс. Мейерхольда в области театра обсудить особо».

Закрытие театра стало тяжелейшим ударом и для Мастера, и для его супруги. Зинаида Райх впала в тяжелую депрессию и месяцами не выходила из дома. Что касается Всеволода Эмильевича, то он без дела не остался: ему протянул руку Станиславский и пригласил в свой театр. Но все это было не то. К тому же многие понимали, что закрытием театра дело не ограничится: за «антисоветское злопыхательство» и за «клеветническое представление о советской действительности» рано или поздно придется отвечать.

Вокруг Всеволода Эмильевича мгновенно образовалась пустота. С ним перестали здороваться, его обходили стороной, не принимали приглашений заглянуть на чашку чая. Все понимали, что закрытием театра дело не ограничится – и оказались правы.

Но вот ведь как бывает, – кроме Станиславского нашелся еще один человек, который, хоть и из горних высей, но все же заступился за Мейерхольда. Эти человеком оказался Маяковский. Его авторитет в те годы был непререкаем, поэтому голос любимого вождя поэта

внес немалую сумятицу в ход следствия. А выглядело это заступничество так. Как раз в это время готовилось к печати очередное собрание сочинений Маяковского. Составители разыскали один из ранних отзывов Маяковского о Мейерхольде и включили его в двенадцатый том. Согласитесь, что это был поступок! Ведь риск оказаться в соседней камере с Мейерхольдом был по-настоящему велик. Но – обошлось.

А вот что писал Маяковский о дорогом ему Всеволоде Эмильевиче:

«И когда мне говорят, что Мейерхольд сейчас дал не так, как нужно дать, мне хочется вернуться к биографии Мейерхольда и его положению в сегодняшнем театральном мире. Я не отдам вам Мейерхольда на растерзание! Надо трезво учитывать театральное наличие Советской республики. У нас мало талантливых людей и много гробокопателей. У нас любят ходить на чужие свадьбы при условии раздачи бесплатных бутербродов. Но с удовольствием будут и хоронить.

Товарищ Мейерхольд прошел длительный путь революционного левовского театра. Если бы Мейерхольд не ставил “Зорь”, не ставил “Мистерии-буфф”, не ставил “Рычи, Китай”, не было бы режиссера на территории нашей, который взялся бы за современный, за революционный спектакль. И при первых колебаниях, при первой неудаче, проистекающей, может быть, из огромности задачи, собакам пошлости Мейерхольда мы не отдадим!»

Казалось бы, лучше не скажешь, и к мнению официально признанного трибуна неплохо бы прислушаться! Ан нет, не прислушались и упекли в кутузку.

Пока из Мейерхольда тянули жилы на допросах, кто-то решил заняться его женой: 15 июля 1939 года Зинаида Райх была зверски убита, причем прямо в своей квартире. Версий этого преступления много – от любовника до сотрудников НКВД, от театральных знакомых до простых грабителей, но ни одна из них не считается доказанной. По большому счету дело об убийстве Зинаиды Райх до сих пор нельзя считать закрытым.

Всеволод Эмильевич об этом, конечно же, не знал, а так как его перестали вызывать на допросы, он решил написать собственноручные показания. Тридцать одна страница написана рукой Мейерхольда, но как написана... Ломаные, раздерганные строчки, кое-как слепленные буквы. Собственно говоря, это даже не показания, а своеобразный творческий отчет Мастера.

С какими замечательными людьми сводила его судьба, какие titаны мысли оказали на него влияние! Вы только вслушайтесь в этот перечень имен: Метерлинк, Пшибышевский, Белый, Брюсов, Аннунцио, Бальмонт. Всеволод Эмильевич рассказывает о парнасцах, символистах и акмеистах, о знаменитых «средах» у Вячеслава Иванова, об общении с Мережковским, Струве, Гиппиус, Ремизовым, Чулковым, Гумилевым, Волошиным, Сологубом, Разумником и Чеботаревской. А встречи с Горьким, Чеховым, Бенуа, Добужинским, Философовым, Комиссаржевской, Савиной! И не только встречи, но и совместная работа с этими великими людьми, составлявшими цвет и гордость русской культуры.

То ли под влиянием этих воспоминаний, то ли он просто встряхнулся, но в начале октября к Всеволоду Эмильевичу пришло самое настоящее прозрение: он понял, что творит нечто непотребное, что, идя на поводу у следователей, говорит не то, что было, а то, что нужно следователям. И на очередном допросе он решительно заявляет:

– На допросе 14 июля я показал, что Дикий был привлечен Олешей к террористической деятельности. Эти мои показания не соответствуют действительности, потому что Олеша никогда об этом не говорил. И вообще, с Олешей никаких разговоров о террористической деятельности не было. Дикого я оговорил. А оговорил потому, что в момент допроса находился в тяжелом психическом и моральном состоянии. Других причин нет.

Дальше – больше! Потребовав бумаги, Всеволод Эмильевич пишет, что Эренбург в троцкистскую организацию его не вовлекал, с Пастернаком, Шостаковичем и другими своими зна-

комы антисоветских разговоров не вел, и уж, конечно же, ни о каком терроре не могло быть и речи.

Следователи запаниковали: обвинение разваливалось как карточный домик. А Всеволод Эмильевич продолжал писать собственноручные показания. Но теперь это были показания не сломленного, больного арестанта, а мужественного, все понявшего и принявшего решение человека. Он пишет, что показания, касающиеся Милютиной, не соответствуют действительности.

«Я путал имена и даты, – пишет он, – переадресовывал события от одних лиц другим. Например, Рыков и Милютина были у меня на квартире – этого было достаточно, чтобы я заявил, что встречался с Рыковым у Милютиных. А этого не было. То же и с Бухариным... Не могу ничего точно сказать и о Радеке».

Несколько позже у него поинтересовались, ознакомился ли он с материалами дела и имеет ли какие-нибудь жалобы и заявления.

– С материалами следствия я ознакомился, хотя хотел еще почитать. Никаких жалоб по отношению к следствию не имею. Следователь Шибков никакого давления на меня не оказывал, а следователи Воронин, Родос и Сериков давление оказывали.

Вот так, ни больше ни меньше... А знаете, что означает невинная на первый взгляд формулировка «оказывать давление»? Думаете, речь идет об окриках и оскорблениях? Как бы не так! Все гораздо проще и страшнее. Несколько позже я об этом расскажу, причем устами самого Всеволода Эмильевича. А пока что он спешил исправить содеянное и чуть ли не круглосуточно писал собственноручные показания:

«К своим ранее данным показаниям относительно следующих лиц: И. Эренбург, Б. Пастернак, Л. Сейфуллина, Вс. Иванов, К. Федин, С. Киршон, В. Шебалин, Д. Шостакович, С. Эйзенштейн, Э. Грин, В. Дмитриев считаю долгом внести ряд добавлений, а главное, весьма существенных исправлений.

1. Илья Эренбург не вовлекал меня в троцкистскую организацию. Категорически заявляю, что ни Эренбург, ни Мальро не говорили мне ни о недолговечности советской системы, ни о том, что троцкистам удастся захватить власть, ни о том, что следует настойчиво и последовательно продолжать борьбу против партии и добиваться свержения советской власти.

2. Я не вел с Б. Пастернаком разговоров, направленных против партии и правительства. Ни по указаниям Эренбурга, ни по своей личной инициативе я не вербовал в троцкистскую организацию ни Б. Пастернака, ни Ю. Олешу, ни Л. Сейфушину, ни Вс. Иванова, ни К. Федина, ни С. Кирсанова, ни В. Шебалина, ни Д. Шостаковича.

3. В отношении Ю. Олеси считаю долгом сделать следующее существенное исправление: я Ю. Олешу в троцкистскую организацию не вербовал. Не соответствует действительности и то мое показание, что будто бы Олеша намечался как лицо, могущее быть использованным по линии физического устранения руководителей партии и правительства. О терроре никогда речи не было».

Казалось бы, все показания, данные ранее, полностью дезавуированы и дело надо закрывать. Не тут-то было! 27 октября 1939 года Мейерхольду предъявили обвинительное заключение, в котором его по-прежнему называют кадровым троцкистом, а также агентом английской и японской разведок.

Но Всеволод Эмильевич не сдастся. Прямо из Бутырки он пишет пространную жалобу Прокурору Союза ССР:

«16 ноября 1939 года мое дело закончено. Я безоговорочно подписал последний лист, как безоговорочно подписывал ряд других протоколов, делая это против своей совести. Теперь я от этих вынужденно ложных показаний отказываюсь, так как они явились следствием того, что ко мне, 65-летнему старику (и нервному, и больному), применялись такие меры физического и морального воздействия, каких я не мог выдержать, и стал наводнять свои от веты

чудовищными вымыслами. Я лгал, следовательно записывал, причем некоторые ответы за меня диктовал стенографистке. А потом я под этой ложью подписывался, потому что мне говорили, что если не подпишу, то бить будут в три раза сильнее.

Я никогда не был изменником Родины, никогда не участвовал ни в каких заговорщических организациях против советской власти. И кто посмеет клеветать на меня, что я был шпионом хоть одного из иностранных государств? Но следователи вынуждали меня репрессивными методами в этих преступлениях “сознаваться” – и я лгал на себя.

Прошу вызвать меня к себе. Я дам развернутые объяснения и назову имена следователей, вынуждавших меня к вымыслам».

Прокурор, как и следовало ожидать, выслушивать «развернутые объяснения» умело маскировавшегося врага народа не пожелал. Тогда Мейерхольд обратился к Берии. Реакция та же...

И тогда Всеволод Эмильевич пишет главе правительства Молотову. О реакции Молотова, слывшего гуманистом и правдолюбом, я расскажу несколько позже, но сначала познакомлю с письмом – последним письмом в жизни Мейерхольда.

Письмо довольно длинное, из-за тюремных ограничений в бумаге оно написано в два приема, поэтому приведу лишь некоторые, в самом прямом смысле слова, кричащие строки:

«Чем люди оказываются во время испуга, то они, действительно, и есть. Испуг – это промежуток между навыками человека, и в этом промежутке можно видеть натуру такую, какая она есть... Так писал когда-то Лесков.

Когда следователи в отношении меня пустили в ход физические методы воздействия, а к ним присоединили еще и так называемую психическую атаку – и то, и другое вызвало во мне такой чудовищный страх, что моя натура обнажилась до самых корней. Кожа оказалась чувствительной, как у ребенка, а глаза от нестерпимой боли слезы лили потоками.

Лежа на полу, лицом вниз, я извивался, корчился и визжал, как собака, которую плетью бьет хозяин. Конвоир, который вел меня однажды с допроса, спросил: “У тебя малярия?” Такую мое тело обнаружило способность к нервной дрожи. И так – каждый день.

Когда я пытался заснуть, меня подбрасывало на койке, и я просыпался, разбуженный своим собственным стоном. Испуг вызывает страх, а страх вынуждает к самозащите. “Смерть, конечно, смерть легче этих мучений! – не раз я говорил себе. И я пустил в ход самооговоры в надежде, что они-то приведут меня на эшафот. Так и случилось, на последнем листе законченного следствием деле № 537 проступили страшные цифры параграфов уголовного кодекса: 58, пункт 1-а и И.

Вячеслав Михайлович! Вы знаете мои недостатки (помните однажды сказанное Вами в мой адрес: “Все оригинальничаете?”). Человек, который знает недостатки другого, знает его лучше того, кто любит его достоинствами. Скажите: можете Вы поверить тому, что я – шпион, что я изменник Родины (враг народа), что я – член право-троцкистской организации, что я – контрреволюционер, что я в своем искусстве проводил (сознательно!) вражескую работу, что подрывал основы советского искусства?

Все это налицо в деле № 537. Там же слово “формалист” стало синонимом слова “троцкист”. В деле № 537 “троцкистами” объявлены: я, И. Эренбург, Б. Пастернак, Ю. Олеся (он еще и террорист), Д. Шостакович, В. Шебалин, Н. Охлопков и др.

Будучи арестованным в июне, я только в декабре 1939-го пришел в некоторое относительное равновесие. Я написал о происходящем на допросах Л.П. Берии и Прокурору Союза ССР, сообщив в своей жалобе, что я отказываюсь от своих ранее данных показаний. Недостаток мест не позволяет мне изложить все бредни моих показаний, но их множество.

Вот моя исповедь краткая. Как и положено, я произношу ее, быть может, за секунду до смерти. Я никогда не был шпионом, я никогда не входил ни в одну из троцкистских организа-

ций (я вместе с партией проклинал Иуду Троцкого), я никогда не занимался контрреволюционной деятельностью.

Говорить о троцкизме в искусстве просто смешно. Отъявленный пройдоха из породы политических авантюристов, такой человек, как Троцкий, способен лишь на подлые диверсии и убийства из-за угла. Не имеющий никакой программы кретин не может дать программы художникам.

2.1. 1940 г.».

Казалось бы, самое главное сказано и письмо можно отправлять. Но Всеволод Эмильевич, будто предчувствуя, что времени у него осталось мало, а он еще не выговорился, делает весьма примечательную приписку: «Окончу заявление через декаду, когда снова дадут такой листок».

Прошло десять дней, и Мейерхольд садится за продолжение письма Молотову.

«Тому, что я не выдержал, потеряв над собой всякую власть, находясь в состоянии затуманенного, притупленного сознания, способствовало еще одно страшное обстоятельство. Сразу же после ареста меня ввергла в величайшую депрессию власть надо мной навязчивой идеи: “Значит, так надо! Правительству показалось, что за мои грехи, о которых было сказано с трибуны 1-й сессии Верховного Совета, кара для меня недостаточна”. А ведь был закрыт театр, разогнан коллектив, отнято строящееся здание.

Я должен потерпеть еще одну кару, решил я. Ту, которая наложена органами НКВД.

Как же меня здесь били – меня, больного, 65-летнего старика! Меня клали на пол лицом вниз, и резиновым жгутом били по пяткам и по спине. Когда я сидел на стуле, той же резиной били по ногам – от колен до верхних частей ног. В последующие дни, когда эти места были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, били по этим красно-синим кровоподтекам – и боль была такая жуткая, что, казалось, на меня лили кипяток. Я плакал и кричал от боли. А меня все били этим страшным резиновым жгутом – по рукам, по ногам, по лицу и по спине.

Истязатели специально били по старым синякам и кровоподтекам: так гораздо больнее, а ноги превращаются в кровавое месиво. В промежутках между экзекуциями следователь еще и угрожал: не станешь подписывать протоколы, будем опять бить, оставив нетронутыми голову – чтобы соображал, и правую руку – чтобы было чем подписывать, остальное превратим в кусок бесформенного, окровавленного мяса. И я все подписывал.

Я умоляю Вас, главу правительства, спасите меня, верните мне свободу. Я люблю свою Родину и отдам ей все свои силы последних годов моей жизни».

Как вы думаете, был или не был услышан этот крик о помощи? Ведь проще всего сказать, что письма из тюрем до членов правительства не доходили и о творящихся в тюрьмах безобразиях они ничего не знали. Оказывается, доходили, еще как доходили. Это подтвердил один из секретарей Молотова, который регистрировал эти письма и клал на стол своего начальника.

Так как же отреагировал глава советского правительства на письмо Мейерхольда? А никак. Он промолчал. Он сделал вид, что это его не касается. Для бериевцев это было сигналом, означающим, что можно продолжать в том же духе и возню с Мейерхольдом заканчивать.

1 февраля 1940 года состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. И хотя Всеволод Эмильевич виновным себя не признал, свои показания не подтвердил и заявил, что во время следствия его избивали, суд приговорил Мейерхольда к высшей мере наказания – расстрелу. 2 февраля приговор был приведен в исполнение.

Это, конечно, совпадение, но неподалеку от справки о расстреле Всеволода Эмильевича, подписанной старшим лейтенантом Калининым, в дело подшито письмо Алексея Максимовича Горького, которое он отправил Мейерхольду еще в 1900 году.

«Вы, с вашим тонким и чутким умом, с вашей вдумчивостью – дадите гораздо, неизмеримо больше, чем даете. И будучи уверен в этом, я воздержусь от выражения моего желания хвалить и благодарить вас.

Почему-то хочется напомнить вам хорошие, сердечные слова Иова: “Человек рождается на страдание, как искры, что устремляются вверх. Вверх!”»

Как в воду глядел Алексей Максимович, Мейерхольд был рожден на страдание. Чего-чего, а этого в его жизни было предостаточно. Но вверх он ушел не бесследно. Имя Мейерхольда, как ни старались изгладить его из памяти и предать забвению, из истории театра вычеркнуть не удалось. Да это и невозможно, ибо театр – это и есть Мейерхольд. Расстреляв Мейерхольда, сталинские палачи расстреляли театр, на многие годы отбросив назад театральное искусство и превратив его в живой плакат.

Но у этой печальной истории есть продолжение, причем, не боюсь этого слова, доблестное. Ведь людям, которые бросились на защиту честного имени Мейерхольда, пришлось иметь дело с Главной военной прокуратурой. И хотя на дворе был 1955-й и началась так называемая «оттепель», никто не знал, как долго продержится тепло и не вернется ли все снова на круги своя.

«Мейерхольд самобытен... я даже думаю, что он гениален»

Эти слова много лет назад сказал о Мейерхольде другой великий режиссер – Евгений Багратионович Вахтангов. Несколько позже он выразил эту мысль более развернуто: «Все театры ближайшего будущего будут построены и основаны так, как давно предчувствовал Мейерхольд. Мейерхольд гениален. И мне больно, что этого никто не знает. Даже его ученики».

Что касается учеников, то с выводом Вахтангов явно поторопился: придет время, и они докажут, что Мастер воспитал из них не только прекрасных актеров и режиссеров, но и, что не менее важно, людей не робкого десятка, умеющих постоять за доброе имя своего учителя.

Итак, год 1955-й... Приемная дочь Мейерхольда Татьяна Есенина обращается к тогдашнему главе правительства Георгию Маленкову с просьбой о пересмотре дела отчима, «который, как мне сообщили, был приговорен к 10 годам ИТЛ и 17 марта 1942 года умер в лагере». (Именно такие справки выдавали родственникам расстрелянных людей.) Маленков переадресовывает письмо Генеральному прокурору СССР Роману Руденко и поручает ему заняться делом Мейерхольда. В тот же день Руденко вызывает военного прокурора Ряженого и приказывает подготовить все необходимые бумаги.

Машина завертелась прямо-таки на бешеных оборотах! Подняли протоколы допросов, собрали справки обо всех упоминавшихся в деле лицах и, что особенно важно, обратились ко всем, кто знал Мейерхольда, чтобы они прислали свои отзывы о Всеволоде Эмильевиче. Не поленились заглянуть в архивы и проштудировать многочисленные статьи о творчестве Мейерхольда. Одна из них носит курьезный характер и посвящена не творчеству, а... аресту Мейерхольда контрразведкой Добровольческой армии. Произошло это в Новороссийске. Вот что писал об этом аресте корреспондент газеты «Черноморский маяк» Бобрищев-Пушкин в сентябре 1919 года:

«С глубоким нравственным удовлетворением принимаю перед обществом ответственность за арест Мейерхольда, происшедший благодаря моим статьям.

Мейерхольд не был жрецом аполитичного искусства, а большевистским сановником, отдавшим искусство на службу советской агитации. За это он получал от советской власти большие суммы, за это пользовался дружбой и протекцией Луначарского. Мейерхольд записался в партию, он – зарегистрированный большевик.

Моим читателям известно, что еще 7 июля, немедленно после приезда Мейерхольда в Новороссийск, я опубликовал, что это – большевистский комиссар, заведовавший в Петрограде театральной агитацией. Как главное преступление Мейерхольда, лишаящее всякой возможности терпеть его на Добровольческой территории, я указал на то, что он ставил празднества в честь годовщины Октябрьской революции, в том числе кошунственную, оскорбляющую все русские святыни, земные и небесные, “Мистерию-буфф” Маяковского. С моей точки зрения, тому, кто праздновал с большевиками годовщину их революции, не место у нас.

Деятельность Мейерхольда цинично и открыто развевалась на виду у всех петроградцев – мое право русского человека не дышать одним воздухом с большевиком, оскорбляющим своим присутствием Добровольческую территорию».

Жуткая, если вчитаться, статья... Один петербургский интеллигент своими публикациями, больше похожими на доносы, добивается ареста другого петербургского интеллигента и несказанно рад, когда это происходит. В разгаре Гражданская война, дискуссии идут на языке пулеметов, а тут вдруг человек с клеймом большевистского комиссара в стане врага. Только чудом можно объяснить, что тогда Мейерхольда не поставили к стенке! Но то, что не сделали белые, хоть и несколько позже, исправили красные.

В 1955-м эта публикация говорила в пользу Мейерхольда, ибо доказывала его верность большевистским принципам: он не остался у белых, вырвался из застенка и еще много лет работал на благо победившего пролетариата.

Как вы, наверное, помните, на допросах Мейерхольд назвал много известных всей стране имен, причем назвал их в контрреволюционном и антисоветском контексте. К счастью, следователи то ли не приняли эти рассказы всерьез, то ли учли, что в последующем Мейерхольд отказался от своих показаний, но массовых арестов не последовало.

Как же повели себя эти люди потом, когда их стали приглашать к военному прокурору? Доблестно. И хотя уже не было ни Сталина, ни Берии, идти к прокурору все же боязно. Но они шли! Около сорока человек, забыв о страхе, явились тогда к прокурору, а потом прислали свои письменные отзывы. Читайте, и вы поймете, как советская интеллигенция любила и уважала Всеволода Эмильевича Мейерхольда.

Дмитрий Дмитриевич Шостакович, видимо, для убедительности, прислал свой отзыв на бланке депутата Верховного Совета РСФСР.

«Я познакомился со Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом в конце 1927-го или в начале 1928 года. Вскоре после знакомства он пригласил меня на работу в свой театр в качестве заведующего музыкальной частью. Проработал я там месяца два, а потом вернулся в Ленинград. А потом Мейерхольд предложил мне написать музыку к комедии Маяковского “Клоп”, что я и сделал.

Когда я работал в театре (1928 год), то пользовался гостеприимством семьи Мейерхольда и жил у него в квартире на Новинском бульваре. Таким образом, я имел возможность наблюдать этого выдающегося режиссера не только на работе, но и в быту. В дальнейшем я вел знакомство с Мейерхольдом до самого дня его ареста.

Исходя из этого, я считаю, вправе утверждать, что я был достаточно близко знаком с Мейерхольдом. Всеволод Эмильевич очень благожелательно относился к моим занятиям музыкой, к моим сочинениям. Я же буквально благоговел перед его гениальным талантом. Сближало нас и то, что он очень любил музыку, очень тонко в ней разбирался, не будучи специалистом-музыкантом. Наконец, это был передовой человек нашей эпохи.

Никогда ни сам Мейерхольд, ни его семья, ни люди, которых я у него встречал, не вели антисоветских разговоров. Как я уже говорил, он очень любил и понимал музыку. С особой убедительностью это можно говорить тем, кто видел его постановку “Пиковой дамы” Чайковского в Ленинградском Малом оперном театре. Этот спектакль необходимо возобновить и показывать советским слушателям. Из его старых, дореволюционных постановок следует особо отметить “Маскарад” Лермонтова.

Гений Всеволода Мейерхольда расцвел после Октябрьской революции. Огромное впечатление произвели его спектакли “Лес” Островского, “Ревизор” Гоголя, “Клоп” и “Баня” Маяковского, “Последний решительный” Вишневского, “Мандат” Эрдмана и другие, являющиеся шедевром режиссерского искусства.

О Мейерхольде нельзя говорить, не вспомнив о его выдающейся роли в деле воспитания таких замечательных артистов, как И. Ильинский, М. Бабанова, М. Царев, Э. Гарин, Н. Охлопков, М. Штраух, В. Зайчиков, Н. Богомолов, являющихся гордостью советского сценического искусства.

Невозможно зачеркнуть ту выдающуюся роль, которую сыграл Мейерхольд в развитии русского и советского театрального искусства. Имя гениального Всеволода Мейерхольда, его выдающееся творческое наследие должны быть возвращены советскому народу».

Письмо Ильи Эренбурга более кратко, но, в силу его пристрастий, носит международный характер:

«Я знал Мейерхольда с 1920 по 1938 год. В 1920-м он был заведующим ТЕО Наркомпроса, в котором я работал. В те годы он группировал вокруг себя все круги художественной

интеллигенции, активно вставшей на сторону Октябрьской революции. Его постановки “Зорь” Верхарна и “Мистерии-буфф” Маяковского были первыми крупными явлениями революционного советского театра.

Во время заграничных гастролей тетра Мейерхольда в Париже спектакли этого театра сыграли огромную роль в повороте больших кругов французской интеллигенции к Советскому Союзу. Во всех своих выступлениях и частных беседах, как в Советском Союзе, так и за рубежом, Мейерхольд всегда был принципиальным и страстным сторонником нашего строя и нашей идеологии».

Известный кинорежиссер Григорий Александров рассказал о влиянии Мейерхольда не только на театральное, но и кинематографическое искусство тех лет:

«Всеволод Эмильевич Мейерхольд был новатором того типа художников, которые все силы направляют на ломку старых, обветшавших традиций и стремятся разрушить косность, рутину, консерватизм. Такие художники расчищают путь к новому, хотя сами, зачастую, двигают на расчищенном месте произведения весьма спорные.

Самым положительным в творчестве Мейерхольда было то, что он всегда стремился утвердить на сцене советского театра актуальную, боевую, современную тематику. Не случайно первые постановки пьес Маяковского были сделаны Мейерхольдом.

В области кино влияние Мейерхольда сказалось на творчестве его ученика режиссера С.М. Эйзенштейна, создавшего фильма “Броненосец Потемкин”, который признан сейчас мировой общественностью как лучший фильм мира.

В документальном кино влияние Мейерхольда определило успехи Дзиги Вертова и Эсфирь Шуб, добившихся больших международных успехов. Деятельность Мейерхольда и его имя нельзя вычеркнуть из истории советской культуры».

Несколько месяцев прокурор Рязский с утра до вечера принимал в своем кабинете актеров и режиссеров, писателей и композиторов, художников и общественных деятелей. О Мейерхольде они могли говорить часами, но прокурор произносил расхожую фразу, что слова, мол, к делу не подошьешь, и просил изложить свое мнение письменно. Одни создавали на эту тему целые эссе, другие были более лапидарны. Борис Пастернак, несомненно, принадлежал к первым. Вот какое письмо он отправил Борису Рязскому:

«Я до сих пор не сдержал слова и не закрепил для Вас письменно разговор о Мейерхольде, потому что все это время был очень занят.

Вы помните наш разговор? Главное его существо заключалось вот в чем. Так же, как с Маяковским, я был связан с Мейерхольдом поклонением его таланту, дружбой, удовольствием и честью, которые доставляло мне посещение его дома или присутствие на его спектаклях. Но общей работы между нами не было: для меня и он, и Маяковский были людьми слишком левыми и революционными, а для них был недостаточно лев и радикален.

Я любил особенно последние по времени постановки Мейерхольда: “Ревизора”, “Горе от ума”, “Даму с камелиями”. Дом Всеволода Эмильевича был собирательной точкой для всего самого передового и выдающегося в художественном отношении.

Среди писателей, музыкантов, артистов и художников, бывавших у него, наиболее сходной с ним по душевному огню и убеждениям, наиболее близкой ему, братской душой был, на мой взгляд, Маяковский. Я не знаю, насколько решающим может быть мое мнение о Мейерхольде, но я этого великого человека искренне любил».

Откликнулась на просьбу прокурора и одна из старейших актрис страны Александра Яблочкина:

«Тяжкие обвинения, выдвинутые против выдающегося деятеля советского театра Всеволода Эмильевича Мейерхольда, долгие годы тяжким бременем лежали на сердце. Я буду безмерно рада узнать, что Мейерхольд снова занял подобающее ему место в истории русского и советского театра.

В творчестве Мейерхольда было много спорного. Для меня, воспитанной на традициях старейшего русского театра, в его постановках было много такого, чего я не могу понять. Но это разногласия творческого, а не идейного порядка. Мейерхольд одним из первых, без колебаний, стал на сторону революции и всю свою кипучую энергию отдал искусству и народу.

Беззаветная любовь к театру, горячая вера в то, что театр является могучим проводником передовых идей в народ, сильнейшим оружием в борьбе за светлое будущее, – вот что роднит Мейерхольда со всеми лучшими деятелями русского искусства».

Как я уже говорил, в кабинете прокурора побывало около сорока человек – и все они оставили поражающие своей искренностью и теплотой отзывы о Мейерхольде. Напечатать их в рамках этого очерка просто невозможно, но имена авторов, хоть и не всех, я назову: Эраст Гарин, Семен Кирсанов, Виктор Шкловский, Всеволод Иванов, Николай Эрдман, Николай Акимов, Николай Охлопков, Вениамин Каверин, Николай Черкасов, Николай Боголюбов, Николай Петров, Валентин Плучек, Илья Эренбург, Григорий Александров, Сергей Образцов, Мария Бабанова, Дмитрий Шостакович, Виссарион Шебалин, Борис Захава, Александра Яблочкина, Юрий Олеша, Рубен Симонов, Максим Штраух, Сергей Юткевич, Михаил Царев, Лев Безыменский, Михаил Жаров, Василий Меркурьев и многие, многие другие.

Вскоре приговор Военной коллегии был отменен, и дело, за отсутствием состава преступления, прекращено. Имя Всеволода Эмильевича Мейерхольда было возвращено народу. Но самое главное, был возрожден расстрелянный Театр – ведь в лице Мейерхольда был расстрелян Театр, причем именно с большой буквы.

Пока живут идеи одного из величайших мастеров сцены, пока есть люди, готовые идти на любые лишения ради реализации этих идей, Театру жить! А значит, жить человеку, который был одним из любимейших сынов Мельпомены.

Две пули для двух сердец

Популярность этого человека был сравнима с популярностью челюскинцев или папанинцев, его репортажами зачитывалась вся страна, к его книгам писали предисловия Бухарин и Луначарский, он состоял в переписке с Горьким, встречался со Сталиным – и вдруг арест. За что? Почему? Что натворил этот любимец партии и правительства? Ответов на эти вопросы не было более полувека – всякого рода версии и домыслы не в счет.

Но мне эти ответы найти удалось: они в следственном деле № 21 620 по обвинению Михаила Ефимовича Кольцова. Три тома лжи, клеветы, наветов и оговоров. Три тома нелепейших признаний, убийственных характеристик и, от этого тоже никуда не деться, три тома кошмарных показаний, которые сыграли роковую роль в судьбах многих и многих людей.

Открывается дело постановлением об аресте и привлечении к ответственности по статье 58–11 УК РСФСР. Примечательно, что утвердил его лично Берия. Думаю, что его подпись родилась не случайно: чтобы арестовать такого человека, как Кольцов, нужна была виза не менее чем наркома внутренних дел. Ни секунды не сомневаюсь, что была и другая виза, только устная: не согласовав вопроса со Сталиным, даже Берия не мог поднять руку на человека, которого в Кремле «ценят, любят и доверяют», – именно так говорил о Кольцове человек из ближайшего окружения Сталина.

Самое странное, что именно в те дни, когда Михаила Ефимовича стали приглашать в Кремль и говорить, как его ценят, Кольцова начали обуревать дурные предчувствия. Весной 1937 года Михаил Ефимович ненадолго приехал в Москву из Испании, где шла гражданская война. О перипетиях этой войны в Советском Союзе узнавали в основном из очерков Кольцова, поэтому отблеск этой бескомпромиссной борьбы ложился на боевого спецкора «Правды» и создавал вокруг него ореол популярности и славы. Кольцова наперебой приглашали на фабрики и заводы, в наркоматы и школы, где с восторгом слушали его рассказы о героической борьбе испанских республиканцев, а также пришедших им на помощь членов интернациональных бригад.

Одной из самых серьезных аудиторий была самая немногочисленная, состоящая всего из пяти человек. Это были Сталин, Ворошилов, Молотов, Каганович и, конечно же, самая мрачная фигура тех лет, нарком внутренних дел Ежов. Вопросы к Кольцову и его пространственные ответы заняли более трех часов. Что было дальше, со слов Кольцова рассказывает его родной брат, известный художник-карикатурист Борис Ефимов:

«Наконец беседа подошла к концу. И тут, рассказывал мне Миша, Сталин начал чудить. Он встал из-за стола, прижал руку к сердцу и поклонился. “Как вас надо величать по-испански? Мигу-эль, что ли?” – “Мигель, товарищ Сталин”, – ответил я. “Ну так вот, дон Мигель. Мы, благородные испанцы, сердечно благодарим вас за ваш интересный доклад. Всего хорошего, дон Мигель! До свидания”. – “Служу Советскому Союзу, товарищ Сталин!”

Я направился к двери, но тут он снова меня окликнул и как-то странно спросил: “У вас есть револьвер, товарищ Кольцов?” – “Есть, товарищ Сталин”, – удивленно ответил я. – “Но вы не собираетесь из него застрелиться?” – “Конечно, нет, – еще более удивляясь, ответил я. – Ив мыслях не имею”. – “Ну вот и отлично, – сказал он. – Отлично! Еще раз спасибо, товарищ Кольцов. До свидания, дон Мигель”.

На следующий день, – вспоминает Борис Ефимов, – Миша поделился со мной неожиданным наблюдением:

– Знаешь, что я совершенно отчетливо прочел в глазах “хозяина”, когда он провожал меня взглядом? Я прочел в них: “Слишком прыток”».

Вскоре Кольцов снова уехал в Испанию, а когда вернулся, на него как из рога изобилия посыпались должности, ордена, депутатство в Верховном Совете РСФСР и даже звание

члена-корреспондента Академии наук СССР. Казалось бы, чего лучше, чего большего ждать от жизни?! И все же дурные предчувствия не покидали Кольцова.

– Не могу понять, что произошло, – не раз говорил он брату. – Но чувствую, что что-то переменялось. Откуда-то дует этакий зловещий ветерок.

Надо сказать, что Кольцов искренне, глубоко и фанатично верил в мудрость Сталина. В Сталине ему нравилось абсолютно все! И он этого не скрывал. Больше того, он этими чувствами делился на страницах «Правды», «Огонька», «Крокодила», еженедельника «За рубежом» и других изданий, которыми, по воле партии, то есть Сталина, руководил в те годы.

Но в частных беседах с братом Михаил Ефимович делился тем, чем не мог поделиться с многомиллионной читательской аудиторией.

– Думаю, думаю, – озабоченно говорил он, – и ничего не могу понять. Что происходит? Каким образом у нас вдруг оказалось столько врагов? Ведь это же люди, которых мы знали годами, с которыми жили рядом. Командармы, герои Гражданской войны, старые партийцы! И почему-то, едва попав за решетку, они мгновенно признаются в том, что они враги народа, шпионы, агенты иностранных разведок. В чем дело? Я чувствую, что сойду с ума! А недавно Мехлис (в те годы начальник Главного политического управления РККА. – Б.С.) показал мне резолюцию Сталина на деле недавно арестованного редактора «Известий» Таля: несколько слов, адресованных Ежову и Мехлису, предписывали арестовать всех упомянутых в показаниях лиц. Понимаешь? Люди еще на свободе, строят какие-то планы на будущее и не подозревают, что уже осуждены, что, по сути дела, уничтожены одним росчерком красного карандаша.

А потом был звонок, зловещий звонок! В Москву приехали командующий ВВС Испании генерал Сиснерос и его жена Констанция. Кольцов дружил с ними в Испании, и организатором их встреч Москве был он. Всевозможных встреч и приемов было множество. Но на прием к Сталину чету Сиснеросов пригласили без Кольцова.

Деталь, казалось бы, пустяковая, но в те времена именно по таким деталям судили не только о благосклонности «хозяина», но и о шансах на жизнь. Да и дурные предчувствия самого Михаила Ефимовича были далеко не беспричинны: дело в том, что агентурная разработка Кольцова началась еще в 1937 году. Кольцов мотается по фронтам, пишет свой знаменитый «Испанский дневник», а на него уже собирают компромат. Кольцов возвращается из Испании, выступает на фабриках и заводах, встречается в Кремле со Сталиным, снова уезжает в Испанию, а разработка продолжается. Иначе говоря, он уже был одним из тех, кто еще на свободе, но уже осужден к уничтожению одним росчерком красного карандаша.

И лишь теперь, семьдесят с лишним лет спустя, удалось установить, кто, если так можно выразиться, дал старт анти-кольцовой кампании. Этим человеком был генеральный секретарь интернациональных бригад Андре Марти. В его подчинении было около 35 тысяч коммунистов, социалистов и анархистов, приехавших из 54 стран. И лишь один ему не только не подчинялся, но даже имел смелость указывать на ошибки. Этим человеком был Михаил Кольцов. Смириться с таким, с позволения сказать, двоевластием Марти не мог. Так, сам того не ведая, Михаил Ефимович нажил себе в этом человеке смертельного врага.

Удивительно, но об этом знал даже Эрнест Хемингуэй, который в своем романе «По ком звонит колокол» вывел Кольцова под фамилией Карков.

«Андре Марти смотрел на Каркова, и его лицо выражало только злобу и неприязнь, – писал Хемингуэй. – Он думал об одном: Карков сделал что-то нехорошее по отношению к нему. Прекрасно, Карков, хоть вы и влиятельный человек, но берегитесь!»

Марти не мог уничтожить Кольцова своими руками, поэтому решил это сделать с помощью всем известного покровителя московского журналиста – Иосифа Сталина. Донос, который Марти отправил по своим каналам, совсем недавно был обнаружен в личном архиве Сталина. Вот его подлинный текст:

«Мне приходилось и раньше, товарищ Сталин, обращать Ваше внимание на те сферы деятельности Кольцова, которые вовсе не являются прерогативой корреспондента, но самоchinно узурпированы им. Его вмешательство в военные дела, использование своего положения как представителя Москвы сами по себе достойны осуждения. Но в данный момент я хотел бы обратить Ваше внимание на более серьезные обстоятельства, которые, надеюсь, и Вы, товарищ Сталин, расцените как граничащие с преступлением:

1. Кольцов вместе со своим неизменным спутником Мальро вошел в контакт с местной троцкистской организацией ПОУМ. Если учесть давние симпатии Кольцова к Троцкому, эти контакты не носят случайный характер.

2. Так называемая “гражданская жена” Кольцова Мария Остен (Грессгенер) является, у меня лично в этом нет никаких сомнений, засекреченным агентом германской разведки. Убежден, что многие провалы в военном противоборстве – следствие ее шпионской деятельности».

А теперь вспомните знаменитую встречу в Кремле после возвращения Кольцова из Испании, когда вождь называл его доном Мигелем и интересовался, не собирается ли он застрелиться. Сталин шутил, чудил, а донос уже лежал в его сейфе, и НКВД начал собирать компромат на Кольцова: подбирались его старые репортажи 1918–1919 годов, в которых он высказывался отнюдь не просоветски, выбивались показания из ранее арестованных людей, которые характеризовали Кольцова как яркого антисоветчика.

Скажем, некто Ангаров на одном из допросов показал: «Во время приезда Андре Жида в СССР я виделся с Кольцовым, который рассказал мне, как он думает организовать ознакомление этого знатного французского путешественника со страной. Этот план по существу изолировал Андре Жида от советского народа и ставил его в окружение таких людей, которые могли дать неправильное представление о стране».

Еще более зловеще-откровенной была писательница Тамара Леонтьева:

«В Москве существовала троцкистская группа литераторов, которая объединялась вокруг так называемого салона Галины Серебряковой. В нее входили Герасимов, Левин, Либединский, Колосов, Светлов, Кожевников, Кирсанов, Луговской и его жена. Все они были связаны с Киршоном и Авербахом. Позднее, когда Киршон и Авербах были арестованы, эта группа объединилась вокруг Михаила Кольцова и его жены Елизаветы Полиновой.

Михаил Кольцов является тем скрытым центром, вокруг которого объединились люди, недовольные политикой ВКП (б) и советской властью – в области литературы, в частности. Всем хорошо известно, что Кольцов является очень тонким мастером двурушничества, которому при всех политических поворотах удавалось не выпасть из тележки. Именно эта уверенность членов троцкистской группы литераторов послужила основанием к тому, что Кольцов занимал центральное положение.

Антисоветская работа троцкистской группы выражалась в том, что на собраниях, происходивших у Кольцова, велись антисоветские разговоры, имевшие определенную политическую направленность».

На основании этих, а также некоторых других данных родилось то само постановление об аресте, которое завизировал лично Берия. Вот он, этот уникальный документ: до сих пор о нем никто не знал и, как говорится, в глаза не видел.

«Я, начальник 5 отделения 2 отдела ГУГБ старший лейтенант Райхман, рассмотрев материалы по делу Кольцова (Фридлянде-ра) Михаила Ефимовича, журналиста, члена ВКП (б) с сентября 1918 года, депутата Верховного Совета РСФСР, нашел: Кольцов родился в 1896 году в городе Белостоке в семье коммерсанта по экспорту кожи за границу. С начала 1917 года Кольцов сотрудничал в петроградских журналах. В летних номерах “Журнала для всех” помещен ряд его статей с нападка на большевиков и на Ленина.

В 1918–1919 гг. Кольцов сотрудничал в газете ярко выраженного контрреволюционного направления “Киевское эхо”. В 1921 году, будучи направленным НКВД в Ригу для работы

в газете “Новый путь”, Кольцов получал письма от кадетского журналиста Полякова-Литовцева, встречался в Риге с белоэмигрантскими журналистами, в частности с Петром Пильским. Тогдашняя жена Кольцова актриса Вера Юренева поддерживала тесное общение с белоэмигрантами. Со своей нынешней женой Елизаветой Полиновой Кольцов познакомился в Лондоне – она жила там с семьей, которая уехала в Англию в начале революции. Позже она переехала в Москву.

Друга жена Кольцова – Мария фон Остен – дочь крупного немецкого помещика, троцкистка. Кольцов сошелся с ней в 1932 году в Берлине. По приезде в Москву Остен сожительствовала с ныне арестованными как шпионы кинорежиссерами, артистами и немецкими писателями. Уехав вместе с Кольцовым в Испанию,

Мария Остен бежала оттуда во Францию вместе с немцем по фамилии Буш.

По имеющимся данным, Кольцов усиленно покровительствовал враждебным соввласти элементам. Так, например, Кольцов поддерживал близкую связь с приехавшей в 1934 году из Берлина актрисой Кароллой Нейер, позже расстрелянной как шпионка.

Родной брат Кольцова – Фридляндер (историк) расстрелян органами НКВД как активный враг. Второй брат Кольцова – Борис Ефимов, троцкист, настроен резко антисоветски, обменивается своими враждебными взглядами с Кольцовым.

Материалами, поступившими в ГУГБ в последнее время, установлено, что Кольцов враждебно настроен к руководству ВКП (б) и соввласти и является двурушником в рядах ВКП (б). Зарегистрирован ряд резких антисоветских высказываний с его стороны в связи с разгромом право-троцкистского подполья в стране.

На основании изложенных данных считаю доказанной вину Кольцова Михаила Ефимовича в преступлениях, предусмотренных статьей 58—И УК РСФСР, а потому полагал бы Кольцова Михаила Ефимовича арестовать и привлечь к ответственности по ст. 58—11 УК РСФСР».

Такой вот документ – странный, нелепый, со множеством фактических ошибок. Скажем, настоящая фамилия Кольцова не Фридляндер, а Фридлянд. И никакого брата-историка у него не было. Правда, незадолго до этого действительно был расстрелян декан исторического факультета МГУ профессор Фридляндер, но никакого отношения к Михаилу Кольцову он не имел. Но ни Райхмана, ни Берию это не интересовало, – подумаешь, какой-то расстрелянный профессор, к тому же такой же еврей, как и Фридлянд-Кольцов.

Попутно возникает вопрос о командировке Кольцова в капиталистическую Ригу, куда Кольцов был направлен НКВД. Он что, был сотрудником НКВД? Ведь людей, не имеющих отношения к своему ведомству, НКВД в заграничные командировки не отправляло.

А поездки в Берлин и Лондон, откуда он вывез жен-троцкисток, они тоже организованы НКВД? Если это так, то какие функции выполнял Кольцов во время поездок в откровенно враждебные страны? А может быть, руководители НКВД Генрих Ягода и Николай Ежов помогали Кольцову из чисто приятельских побуждений? Теоретически это, конечно, возможно, но практически абсолютно исключено.

Непонятно и другое: почему резко антисоветски настроенный троцкист Борис Ефимов на воле? Уж кого-кого, а его-то должны были арестовать в первую очередь – ведь он, как никто, находился под прямым тлетворным влиянием старшего брата.

Как бы то ни было, но, хоть и коряво, указание вождя было выполнено: Михаил Кольцов оказался в печально известной Внутренней тюрьме Лубянки.

Тюремные очерки Кольцова

Первый допрос состоялся 6 января 1939 года. Вел его следователь следственной части НКВД сержант Кузьминов.

– Пятого января вам предъявлено обвинение, что вы являетесь одним из участников антисоветской правотроцкистской организации и что на протяжении ряда лет вели предательскую шпионскую работу, а теперь занимаетесь записательством. Признаете себя в этом виноватым?

– Нет, виновным себя в этом не признаю. И записательством я не занимаюсь.

– Следствие вам не верит. Вы скрываете свою антисоветскую деятельность. Об этом мы будем вас допрашивать. Приготовьтесь!

Пока что Кольцов держится твердо, обвинения решительно отвергает и на компромисс со следователем не идет. Судя по всему, он не придавал особого значения ни восклицательному знаку в конце фразы, ни зловеще-двусмысленному совету к чему-то там приготовиться. А зря! Допрос, состоявшийся 21 февраля, показал, что с Кольцовым основательно поработали, и он дрогнул.

– Повторяю, что вражеской деятельностью против советской власти я не занимался, – уверенно начал он, и вдруг, после паузы, добавил: – Не считая статей 1919 года.

– Какие статьи вы имеете в виду? – тут же вцепился следователь.

– Я имею в виду несколько статей в буржуазных газетах, таких как «Киевское эхо», «Вечер», «Наш путь» и «Русская воля», написанных в 1917–1919 годах.

– А когда вы вступили в партию? – как бы ненароком поинтересовался следователь.

– В сентябре 1918 года. Рекомендующими были Луначарский и Левченко, – гордо заявил Кольцов.

– Очень интересно! – торжествующе усмехнулся следователь. – Значит, уже будучи коммунистом, вы принимали участие в антисоветских газетах и печатали там свои статьи?

Это была первая победа сержанта Кузьмина. Михаил Ефимович понял, что попался, и ему ничего не оставалось, как подписать протокол с довольно неприятной для себя формулировкой.

– Да, я это подтверждаю и не отрицаю в этом своей вины, – вынужден был признать он.

Потом была более чем месячная пауза. На допросы Михаила Ефимовича не вызывали, ни читать, ни писать не давали, общаться было не с кем – и он затосковал. Деятельная натура журналиста искала выхода, и хитроумный следователь этот выход нашел: он дал Кольцову бумагу, чернила, ручку и предложил написать личные показания. Что еще нужно находящемуся в простое журналисту?! И хотя Михаил Ефимович предпочитал не писать, а диктовать, он увлеченно засел на работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.